

НАТАЛИЯ
СМИРНОВА

Давние
Я ВСЕ РЕШУ
сама

Наталия Смирнова

Бывшие. Я всё решу сама

«Автор»

2026

Смирнова Н. А.

Бывшие. Я всё решу сама / Н. А. Смирнова — «Автор», 2026

Десять лет она была «красивым дополнением» к его успеху. Она была готова подарить ему долгожданную новость о беременности, но он опередил её всего на минуту. Короткая фраза: «У меня будет ребенок от другой» — разрушила её жизнь до основания. Уйдя в никуда с одной лишь тайной в кармане, она попадает в другую реальность. Потому что здесь нет привычной роскоши. Ей приходится заново вспоминать свою профессию. Учится быть, а не казаться.... Спустя три года их случайная встреча в супермаркете переворачивает всё. Андрей видит женщину, которую не смог сломать, и ребенка, который смотрит на него его собственными глазами. Но можно ли купить прощение у той, которая научилась дышать в пустоте? И станет ли правда о предательстве концом их истории — или началом новой, написанной не на шелке, а на шрамах?

© Смирнова Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2.	9
Глава 3.	11
глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наталия Смирнова

Бывшие. Я всё решу сама

«Бывшие. Я все решу сама»

Автор: Наталия Смирнова

Десять лет она была «красивым дополнением» к его успеху. Она хотела подарить ему долгожданную новость о беременности, но он опередил её всего на минуту. Короткая фраза: «У меня будет ребенок от другой» — разрушила её жизнь до основания. Уйдя в никуда с этой тайной в кармане, она попадает в другую реальность. Потому что здесь нет привычной роскоши. Ей приходится заново вспоминать свою профессию. Учится быть, а не казаться.

Спустя три года случайная встреча в супермаркете переворачивает всё. Андрей видит женщину, которую не смог сломать, и ребенка, который смотрит на него такими же глазами. Но можно ли купить прощение у той, которая научилась дышать в пустоте? И станет ли правда о предательстве концом их истории — или началом новой, написанной не на шелке, а на шрамах?

Глава 1

Говорят, что к катастрофе нельзя подготовиться, но, оглядываясь назад, я понимаю: тишина в нашем доме в последние месяцы была не мирной, а застойной. Она напоминала воду в вазе, которую забыли вылить вместе с увядшими цветами. В тридцать пять лет я достигла того «абсолютного благополучия», о котором пишут в глянцевого журналах, и оно медленно меня убивало.

Мое утро всегда было одинаковым. Я просыпалась за пятнадцать минут до того, как Андрей покидал спальню. Я слушала привычные звуки его сборов: щелчок зажигалки на балконе, он обещал бросить, но так и не смог, шорох шелкового галстука, едва уловимый запах дорогого парфюма с нотками сандала. Я не открывала глаз. Это была моя маленькая игра — притворяться спящей, чтобы не вступать в дежурный диалог о планах на день, которых у меня по сути не было.

— Вера, я ушел. Завтракай нормально, а не только кофе, — бросал он, закрывая дверь.

Десять лет. Три тысячи шестьсот пятьдесят дней я была «женой Андрея». Не архитектором Верой, не художницей, не даже просто Верой, которая любит ходить босиком по траве. После свадьбы Андрей мягко, но настойчиво убедил меня, что работа — это стресс, который помешает нам зачать ребенка. «Занимайся собой, домом, благотворительностью», — говорил он. И я послушалась. Сначала это казалось освобождением. После бессонных ночей в проектно-бюро жизнь в загородном доме со штатом прислуги казалась сказкой. Но сказка быстро превратилась в режим. Было ощущение, что я живу, как герой из фильма «День сурка».

Я встала, накинула тяжелый кашемировый халат — подарок мужа на десятилетие брака — и подошла к окну. Наш сад был идеален. Садовник стриг кусты с точностью до миллиметра. Каждая дорожка была посыпана ровным слоем гравия. Всё в моей жизни было «посыпано этим гранитным щебнем».

Я пошла в ванную. В ящике под раковиной, за коробками с дорогими кремами спрятался тот самый предмет. Пластиковая палочка с двумя розовыми полосками. Я смотрела на них уже полчаса, пытаюсь осознать: чудо, за которым я охотилась восемь лет, произошло именно сейчас, когда я почти сдалась.

Почти десять лет обследований, витаминов, графиков овуляции, болезненных процедур и коротких, сухих вердиктов врачей: «Психосоматика», «Невыясненный генез», «Попробуйте отвлечься». Мы отвлеклись. Андрей стал чаще задерживаться на объектах, я — чаще уходить в чтение книг, которые забывала сразу после закрытия обложки. И вот теперь, когда мы стали почти чужими людьми, делаящими одну кровать, это случилось.

В животе было пусто и странно. Никаких фанфар, никакой внезапной любви к миру. Только холодный, кристально чистый страх. И еще — запоздалая гордость. «Я смогла. Я не бракованная», — пронеслось в голове, и мне стало стыдно за эту мысль.

Весь день я провела в странном оцепенении. Я отказалась от обеда, сказав повару, что у меня мигрень. Я ходила по дому, прикасаясь к вещам, которые мы покупали вместе: ваза из муранского стекла, картина, привезенная из Флоренции. Раньше мне казалось, что эти вещи составляют мой мир. Теперь они выглядели как декорации в театре, который давно закрыли на ремонт.

Я представляла, как скажу ему, что мы станем родителями. Мы сядем в гостиной, я положу тест на столик. Он сначала нахмурится, не понимая, а потом его лицо разгладится, он обнимет меня, и эти десять лет отчуждения просто испарятся. Мы снова станем теми Верой и Андреем, которые мечтали о доме, полном детского смеха, а не только запаха полироля для мебели.

К шести вечера я оделась в простое темно-синее платье, которое он любил. Я даже почти не накрутила волосы, только стянула волосы в узел. Мне хотелось быть настоящей. Без фильтров, без масок «счастливой жены успешного человека».

Андрей приехал в восемь. По звуку мотора его машины я поняла — он на взводе. Он не вошел, а буквально влетел в дом. Обычно он оставлял портфель в прихожей, но сейчас прошел с ним в кабинет, а через минуту вышел уже без пиджака, с закатанными рукавами рубашки.

— Хорошо, что ты дома, — бросил он, даже не глядя на меня. — Есть разговор. — Он не предложил мне сесть, не спросил, как я себя чувствую. Он налил себе виски — привычка, которая за последние полгода стала ежедневной. Я стояла у камина, сжимая в кармане платья тест. Мои ладони вспотели. Я уже собралась начать свою заготовленную речь, но он меня опередил. — Вера, я не буду ходить вокруг да около. Я так не умею. Нашим отношениям конец.

Я моргнула. В ушах зашумело, как будто я резко нырнула на глубину.

— Не поняла? — произнесла я будто не своим голосом.

— Я подаю на развод. Я встретил женщину. Лене двадцать четыре, она работает у нас в отделе маркетинга. И... — он сделал паузу, отпил виски и наконец посмотрел мне прямо в лицо. В его взгляде не было вины. Было что-то похожее на триумф. — Она беременна. Срок — три месяца.

Он сказал это так легко, будто сообщал о покупке нового автомобиля. Три месяца. Значит, всё это время, пока я ходила на йогу, выбирала занавески и надеялась на чудо, он строил другую жизнь. С другой женщиной. Которая смогла дать ему то, чего не смогла я. Или он так думал.

— Понятно, — произнесла только я. Цифра казалась мне огромной, непреодолимой.

— Да. Я не хотел говорить раньше. Но сегодня мы ходили с Леной на УЗИ. Нам сказали, что скорее всего у нас будет мальчик. Вера, пойми, я не хочу тебя обидеть. Ты прекрасная женщина, ты была отличной женой. Но мне нужно продолжение. Мне нужен наследник. Я не могу больше жить в этом вакууме.

Он продолжал говорить. О том, что дом он оставит мне. Да пусть оставит своей Лене, а то я первым делом устрою здесь пожар. Дальше он продолжал говорить о том, что назначит мне ежемесячное содержание, которое позволит «не менять привычный образ жизни». Он говорил о деньгах, о юристах, о его переезде на другую квартиру.

А я смотрела на него и видела совершенно незнакомого мне мужчину. Куда делся тот парень, который когда-то катал меня на старой «девятке» и обещал, что мы будем вместе, даже если у нас никогда не будет ничего, кроме друг друга? Этот человек в дорогой рубашке высчитывал стоимость моей свободы, чтобы выкупить свое право на новую жизнь.

Моя рука в кармане сжала пластиковый тест так сильно, что он едва не хрустнул. «Я тоже беременна, Вербицкий. У меня тоже будет ребенок. Твой ребенок».

Слова стояли в горле комом. Но я их не выпустила. Если я скажу сейчас, что я увижу в его глазах? Радость? Нет. Я увижу расчет. Он начнет взвешивать: Лена или Вера? Три месяца или три недели? Мальчик или неизвестность?

Я не хотела быть объектом тендера. Я не хотела, чтобы мой ребенок стал гирей на весах его совести. Если он готов перечеркнуть десять лет моей преданности ради нескольких месяцев его романа, то никакая беременность не сделает его снова моим. Он уже ушел. Душой, телом, планами на субботний вечер. Осталась только оболочка, которая сейчас вежливо предложила мне услуги адвоката.

— Я поняла тебя, Вербицкий, — сказала я удивительно ровным голосом. — Адвокаты не понадобятся. Я подпишу всё, что нужно.

Он замер со стаканом в руке. Видимо, ожидал истерики, битья посуды или просьб попробовать еще раз.

— Вера, ты уверена? Я ценю твою рассудительность.

— Очень, Андрей. Больше, чем когда-либо в жизни.

Я вышла из гостиной, не оборачиваясь. Поднимаясь по лестнице, я чувствовала, как с каждой ступенькой этот дом становится для меня чужим. Картины, ковры, антиквариат — всё это словно превращалось в груды хлама.

В спальне я достала чемодан. Не тот огромный, с которым мы ездили в Ниццу, а маленький, дорожный. Я положила туда смену белья, документы и старый альбом с фотографиями моих родителей. Больше мне ничего не было нужно.

Я села на край кровати и приложила ладонь к животу.

— Ну что, малыш, — прошептала я. — Кажется, мы начинаем с нуля. И знаешь... так даже лучше.

Глава 2.

Клетка была открыта. Да, снаружи были неизвестность и холод, но уходить нужно быстро. Если затягиваешь сборы, начинаешь рассматривать вещи, вспоминать, с чем они связаны, и вязнешь в этой липкой ностальгии, как муха в сиропе. Я дала себе тридцать минут. В чемодан полетели джинсы, пара свитеров, кроссовки и документы. Я намеренно не брала ничего из того, что Андрей дарил мне «для статуса»: ни часов с бриллиантами по безелю, ни сумок ценой в подержанный автомобиль. Это были не вещи, это были части моей цепи.

Я вышла из дома, скорее всего Андрей услышал, как хлопнула дверь. Да я и не скрывалась. Да, наверное, уже звонит своей Лене, чтобы сообщить: «Путь свободен». Моя машина — пожалуй, единственное, что я забрала без угрызений совести, потому что без нее я бы просто не доехала до города в два часа ночи. Моя ласточка завелась с пол-оборота.

Дорога до Москвы заняла сорок минут. Всё это время я не включала радио. В тишине было легче дышать. Я поймала себя на мысли, что постоянно трогаю живот через ткань свитера. Там еще ничего не было заметно, но я чувствовала это присутствие как крошечный, едва тлеющий уголек. Это было единственное, что не давало мне окончательно провалиться в пустоту.

Я припарковалась у дешевого отеля на окраине. Номер пах хлоркой и старым ковролином. На стене висела репродукция, которую я в прошлой жизни назвала бы безвкусицей, но сейчас мне было плевать. Я легла на кровать прямо в одежде. Сон не шел. В голове крутились цифры.

У меня было около двухсот тысяч рублей на карте — личные сбережения, которые я понемногу откладывала с «хозяйственных» денег. В мире Андрея это была сумма на один поход в ресторан с бизнес-партнерами. В моем новом мире это был бюджет на несколько месяцев жизни с ребенком.

Утром город встретил меня серым небом и грязным снегом у обочин. Я сидела в сетевой кофейне, глядя на прохожих. Люди спешили, злились, толкались. Десять лет я наблюдала за этим из окна тонированного автомобиля, и вот теперь я — одна из них. Но вместо страха я чувствовала странный азарт.

Нужно было найти жилье. Квартиру, где не будет горничных и где не нужно соответствовать интерьеру. Я открыла сайт с объявлениями. Каждое описание «уютной студии» на деле оказывалось тесной комнатой с обшарпанными обоями, но я упорно обзванивала номера.

— Да, я одна. Нет, животных нет. Работаю удаленно, — врала я очередному арендодателю.

К обеду я нашла вариант в старом панельном доме. Район не самый престижный, зато рядом парк и поликлиника. Хозяйка, подозрительная женщина в растянутой кофте, долго изучала мой паспорт.

— А муж где? Такая молодая, симпатичная, а одна переезжаешь.

— Объелся груш, — коротко ответила я.

Она хмыкнула, взяла деньги за первый месяц и залог, отдала ключи и ушла. Я закрыла за ней дверь и прислонилась к ней спиной. В квартире было тихо. Пахло пылью и чьей-то чужой, закончившейся жизнью. Мебель была старой, из разных гарнитуров, на кухне подтекал кран.

Я прошла в ванную и посмотрела в зеркало. Освещение было безжалостным: под глазами залегли тени, кожа казалась бледной. Тридцать пять лет. Беременна. Без работы. С одним чемоданом вещей.

«Ты сошла с ума, Вера», — прошептал внутренний голос, подозрительно похожий на голос моей матери. — «Вернись, извинись, скажи про ребенка. Андрей не выгонит тебя беременную. Будешь жить в достатке, растить сына».

Я включила воду и начала умываться. Холодная вода помогла разогнать туман в голове. Нет. Жить в достатке ценой ежедневного унижения? Смотреть, как он уезжает к той, другой, а потом возвращается ко мне из чувства долга? Видеть в его глазах не любовь, а ответственность за «неудачный проект»? Мой ребенок не должен расти в атмосфере лжи и фальшивой вежливости.

Я зашла на кухню, достала из чемодана ноутбук. Десять лет назад я была неплохим архитектором. Конечно, технологии ушли вперед, программы обновились, но чувство пространства и логика планировки — это то, что не забывается. Я открыла старую папку со своими студенческими работами. Руки задрожали. Это была я. Настоящая я, до того, как стала декорацией в доме Андрея.

Вечером я сходила в ближайший супермаркет. Купила самое необходимое: макароны, чай, овсянку, моющее средство для пола. На кассе я автоматически потянулась за картой, которую мне когда-то выдал Андрей для «мелких расходов». Остановилась. Достала свою, обычную. Ту, на которой денег было в обрез.

Этот простой жест — выбор карты — стал для меня точкой невозврата.

Вернувшись, я два часа драила полы в своей новой крепости. Мышцы ныли, спина протестовала, но вместе с грязью с пола уходила и какая-то тяжесть из души. Я сама заработаю на эти стены. Я сама куплю кровать. Я сама выберу имя.

Ночью мне пришло сообщение от Андрея: «Вера, ты уехала? Юрист подготовил документы. Завтра в десять ждем тебя в офисе».

Я посмотрела на экран. Телефон светился в темноте комнаты, как маяк из прошлой жизни. Я не стала отвечать. Просто заблокировала его номер. Если он хочет развода — он его получит. Но на моих условиях. Без его подачек, без его жалости и без его участия в моей новой, пока еще такой хрупкой реальности.

Я легла на старый диван, укрывшись своим кашемировым халатом. Было прохладно, но этот холод отрезвлял меня что-ли.

— Мы справимся, — тихо сказала я в темноту. — Обещаю. Я всё решу сама.

Глава 3.

Первые две недели в новой квартире прошли в каком-то лихорадочном ритме. Чтобы не дать себе провалиться в мысли об Андрее, я чистила, мыла и скребла. И терла старые подоконники до тех пор, пока не начинали болеть суставы. Мыло, хлорка и ледяная вода стали моими спутниками. Это была своего рода терапия: вместе с грязью чужих людей я вымывала из себя остатки своей прошлой, стерильной жизни.

Деньги таяли. Походы в магазин превратились в математический квест. Я стояла перед полками с йогуртами и ловила себя на том, что сравниваю цену за сто грамм. Раньше я просто брала то, что выглядело красиво. Теперь я смотрела на сроки годности и калорийность.

Нужно было искать работу. Мое портфолио десятилетней давности выглядело как привет из другой эпохи. Программы, в которых я работала, устарели, а связи разорвались.

В один из вторников я сидела в парке на лавке, пытаюсь сосредоточиться на объявлении в телефоне. Рядом присела женщина лет пятидесяти в испачканной краской куртке и с огромным псом на поводке. Пес, не спрашивая разрешения, положил голову мне на колени.

— Барон, фу! Оставь женщину в покое, — беззлобно крикнула она, а потом посмотрела на меня. — Простите его, он у меня считает, что все люди созданы только для того, чтобы его чесать.

Я невольно улыбнулась и запустила пальцы в жесткую шерсть собаки. Это было первое живое существо за неделю, которое проявило ко мне искренний интерес.

— Ничего, он хороший.

— Я Марина. Живу в третьем подъезде. А вы, кажется, новая соседка из сорок шестой? — она прищурилась, разглядывая меня. — Вид у вас, милочка, как у человека, который только что вышел из зоны боевых действий. Или из очень плохого брака.

Я вздрогнула от такой прямооты. В кругу Андрея все общались полутонами и вежливыми намеками.

— Второе, — ответила я короче, чем собиралась.

— Ну, это лечится. Временем и делом. Вы чем по жизни занимаетесь?

— Раньше была архитектором. Сейчас... пытаюсь вспомнить, как им быть.

Марина оживилась. Она оказалась декоратором в небольшом театре и по совместительству брала заказы на ремонт квартир.

— Слушайте, Вера, — сказала она, когда я назвала свое имя. — У меня есть знакомый, Дима. Он прораб, парень толковый, но с чертежами у него беда. Рисует всё «на коленке», а заказчики сейчас пошли капризные, им визуализацию подавай, планы электрики. Хотите, дам контакт? Денег сразу много не ждите, но на хлеб с маслом хватит.

Я записала номер. Руки немного дрожали.

Вечером я позвонила Диме. Мы встретились на следующий день прямо на объекте — в «убитой» сталинке с высокими потолками. Дмитрий оказался плотным мужчиной с обветренным лицом. Он скептически оглядел мое пальто, которое выглядело слишком дорогим для стройки.

— Слушай, Вера, мне не картинки из интернета нужны, — сразу отрезал он. — Мне нужно, чтобы строители поняли, где штробить стены и куда выводить канализацию. Справишься?

— Дайте мне рулетку и лист бумаги, — сказала я.

Я провела на этом объекте четыре часа. Я ползала на коленях, замеряя углы, пачкала руки в вековой пыли и чувствовала странный подъем. Когда я пришла домой, спина болела нещадно, а живот тянуло. Я испугалась, легла на диван и прикрыла глаза.

— Потерпи, маленький, — прошептала я. — Нам просто нужно немного встать на ноги.

Через три дня я принесла Диме готовые чертежи. Я сделала их вручную, так как ноутбук не тянул тяжелые программы, но сделала идеально. Он долго листал листы, хмыкал, тер подбородок.

— Чисто работаешь, — наконец сказал он и выложил на стол конверт. — Тут за первый этап. И вот еще что... У меня там на следующей неделе коттедж начинается. Поедешь смотреть?

Я вышла от него и почувствовала, как по лицу текут слезы. Это были первые деньги, которые я заработала сама за десять лет. Не «содержание», не «подарок», а оплата моего труда. Пятьдесят тысяч рублей. Для Андрея — это стоимость бутылки вина в хорошую пятницу. Для меня — это два месяца аренды и уверенность в том, что завтра мне будет чем завтракать.

Зайдя в магазин, я впервые за долгое время купила не только овсянку, но и коробку хорошего чая и пакет сочных яблок.

Дома я заварила чай и села у окна. Живот снова напомнил о себе легким толчком — или мне просто так показалось? Срок был еще слишком мал для движений, но мне хотелось верить, что ребенок поддерживает меня.

Я достала из ящика стола документы на развод, которые принес курьер от Андрея. Он предлагал мне солидную сумму и квартиру в центре в обмен на «отсутствие претензий». Я взяла ручку и, не раздумывая, зачеркнула пункты о содержании. Написала сбоку: «Претензий нет. Имущество не делю. В выплатах не нуждаюсь».

Я знала, что он сочтет это глупостью. Но для меня это была цена моей тишины. Я не хотела, чтобы он когда-нибудь смог сказать: «Я тебя купил».

Телефон завибрировал. Сообщение от Марины: «Вера, заходи на чай, я тут пирог испекла. Заодно расскажешь, как там Дима, не сильно ворчал?»

Я улыбнулась. У меня не было мебели, у меня была старая плита и неопределенное будущее. Но у меня появилась Марина, работа, пахнущая пылью и мелом, и ощущение, что я, наконец-то, проснулась.

Осень в городе всегда наступает внезапно. Вчера еще было душно, а сегодня утром я почувствовала, как из щелей старых оконных рам тянет сыростью. Мой гардероб из прошлой жизни — шелковые блузки и кашемировые пальто — здесь, в однушке на окраине, смотрелся нелепо. Я купила себе в ближайшем торговом центре огромный бесформенный пуховик и широкие фланелевые рубашки. В зеркале примерочной я увидела женщину, которую Андрей бы не узнал. Глаза стали жестче, а движения — быстрее.

Живот начал округляться. Это было уже не просто ощущение внутри, а вполне видимая перемена. Одежда стала тесноватой, и по утрам, застегивая джинсы, я чувствовала легкое сопротивление.

Работа у Димы стала моим спасением. Он оказался человеком слова: заказы подкидывал регулярно. В основном это были перепланировки в старом фонде или «косметика» в новостройках. Но мне нравилось чувствовать запах цементной пыли и спорить со строителями о том, куда должен открываться дверной проем.

глава 4

В четверг я приехала на объект в Химках. Это был небольшой частный дом, который Дима взялся реконструировать. Хозяин, нервный мужчина в очках, постоянно дергал за рукав то его, то меня.

— Вера, вы понимаете, мне нужно, чтобы здесь была детская. Но места мало. Как втиснуть кровать и стол? — он чуть ли не плакал над чертежом.

Я присела на корточки, приложила линейку к листу.

— Сделаем подиум, — сказала я. — Внизу ящики для игрушек, наверху спальное место. А стол поставим к окну, продлив подоконник.

— А это надежно? — усомнился он.

Тут из-за угла вышел Дима, вытирая руки ветошью.

— Слушай, Михалыч, если Вера говорит — надежно, значит, так и есть. Она у меня за каждый сантиметр бьется, как за родной. Иди лучше чай попей, не мешай спецам.

Когда хозяин отошел, Дима посмотрел на меня, прищурившись.

— Ты чего бледная такая сегодня? Снова овсянкой одной завтракала?

— Всё нормально, Дим. Просто погода меняется.

— Садись вон на ящик, посиди пять минут. Ты мне живая нужна. Кстати, я тут подумал... У меня есть заказчик на полноценный дизайн-проект. Квартира большая, сто сорок квадратов. Бюджет приличный. Возьмешься?

Я замерла. Сто сорок квадратов — это серьезный вызов. Это не просто планы электрики, это концепция, подбор материалов, авторский надзор.

— Дим, я справлюсь? Ты же знаешь, я долго не практиковала такие объемы.

— Справишься. Ты чертишь как машина, и вкус у тебя есть. Только не вздумай ценник занижать. Ты теперь профи, а не «девочка на подхвате».

Вечером я зашла к Марине. Она обещала помочь мне с выбором тканей для одного из моих мелких заказов. В её квартире всегда пахло краской, сушеными травами и уютом. Барон, как обычно, сбил меня с ног, пытаясь облизать лицо.

— Ну-ка, отставить нежности! — Марина отогнала пса. — Проходи, Вера. У меня шарлотка готова.

Мы сели на кухне. Марина внимательно посмотрела на мой живот, который уже отчетливо прорисовывался под рубашкой.

— Слушай, — начала она, разливая чай. — Ты к врачу-то ходишь? Срок уже приличный, пора на учет вставать нормально, не в частную лавочку, а в консультацию.

— Встала я, Марин. Всё хорошо. Анализы в норме.

— А отец ребенка? Так и не объявился?

— Я заблокировала его везде. Он не знает.

— Глупая ты баба, Верка, — вздохнула она, отрезая мне кусок пирога. — Гордая, но глупая. Ребенок — это расходы. Это коляски, памперсы, черт их дерит. Ты сейчас на стройках пыль глотаешь, а могла бы...

Я перебила её:

— Марин, я знаю, что могла бы сидеть в своем особняке и ждать, пока он вернется от Лены. Слушать, как он рассказывает про её токсикоз, и улыбаться. Ты этого для меня хочешь?

— Нет, — буркнула она. — Этого я никому не пожелаю. Но деньги-то его бери. Ребенок тоже его.

— Деньги его пахнут отказом от меня. Я не хочу, чтобы мой сын или дочь с рождения были «обязаны» папе за то, что он милостиво разрешил им существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.